

Ц. Р. АРУТЮНЯН

ОБ АРМЯНО-ГРЕКО-БАЛТИЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СХОЖДЕНИЯХ

В истории сравнительно-исторического языкознания проблемы армяно-балтийских языковых генетических взаимоотношений затрагивались лишь в связи с изучением положения армянского языка в кругу индоевропейских. Традиционно они рассматривались в неотъемлемой связи со славянскими языками.

В Большой основополагающей таблице индоевропейских схождений армянской исконной лексики¹ балтийским параллелям предоставлена отдельная графа, но в конечных подсчетах балто-славянские языки отмечаются совместно как единая группа.

Таким образом отмечается, что армянский язык эксклюзивно связан с балто-славянскими языками в 27 лексических схождениях, армянский связан с индоиранскими и балто-славянскими — в 8, с греческим и балто-славянскими — в 14, с германскими и балто-славянскими — в 18, с итальянскими и балто-славянскими — в 4, с кельтскими и балто-славянскими — в одном².

Получить относительно более точное представление об армяно-балтийских лексических взаимоотношениях можно лишь при изъятии из этих списков тех сопоставлений, в которых балто-славянскую группу представляют исключительно славянские параллели.

Важно отметить, что у Ачаряна приводятся параллели не только армянского с литовским, но и по возможности с другими балтийскими языками: с прусским и латышским.

Относительно позднее Г. Р. Зольта в своей известной монографии о месте армянского языка в кругу индоевропейских обратил специальное внимание на армяно-литовские взаимоотношения, выделив при этом 8 эксклюзивных армяно-балтийских лексических соответствий, 5 армяно-балто-славянских, 4 армяно-греко-балтийских, 3 армяно-кельто-балтийских и т. д.³

¹ В кн.: Ачарян Р. История армянского языка. Ереван, 1940. Т. 1. С. 34—80 (на арм. яз.).

² Там же. С. 90—92.

³ Solta G. R. Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen. Wien, 1960.

Вопросу о взаимоотношениях армянского и балтийских языков посвящена специальная статья американского исследователя, профессора Кливлендского университета Дж. А. К. Греппина⁴. В начале статьи автор отмечает, что поскольку каждый индоевропейский диалект имеет точки соприкосновения с любым другим индоевропейским диалектом, то можно ожидать, с одной стороны, наличия определенных эксклюзивных изоглосс, в частности литовско-армянских, с другой стороны — большого количества изоглосс, разделяемых литовским, армянским и другими индоевропейскими диалектами. Он считает уместной такую постановку вопроса даже при том, что „у армянского мало характерных черт, сближающих его с каким-либо другим индоевропейским языком, за исключением греческого и фригийского“, а также то, что „морфология и лексика армянского языка претерпели огромное количество преобразований, тогда как балтийские языки, наоборот, оказались весьма консервативными в своем развитии“⁵.

В тех разделах статьи, где рассматриваются фонетические и морфологические сходства армянского с литовским, Дж. Греппин в основном исходит из собственных наблюдений, тогда как замечания, относящиеся к лексическим соответствиям, хотя и критически, но опираются на данные исследования Г. Р. Зольта. А Г. Р. Зольта в основном опирается на данные, представленные Р. Ачаряном.

Резюмируя сказанное выше, можно отметить, что Р. Ачарян, отдавая дань определенной научной традиции, не представил специального списка собственно армяно-балтийских параллелей, а тем более армяно-греко-балтийских. Однако он оставил исследователям следующих поколений большую возможность сделать это, опираясь на его же пространную Большую таблицу, а также на богатый материал, приведенный в Этимологическом, Провинциальном словарях и других его трудах⁶.

В результате проделанной нами работы мы имеем возможность несколько расширить круг армяно-балтийских лексических сопоставлений следующими соответствиями: 1) армяно-греко-балтийское (арм. *t'i* — греч. *πτέον* — прус. *pettis* „лопата“); 2) армяно-балтийские (арм. *t'ikunk'* „тыл, спина“ — лит. *pešiai* „верхняя часть спины, горб“, арм. *kap'arumk'* — прус. *saperne* „место погребения“).

⁴ Греппин Дж. А. К. Взаимоотношение балтийских и армянского языков // И. Ф. Ж. Ереван, 1976. № 4. С. 88—100.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Ачарян Р. Этимологический словарь армянского языка. Ереван, 1926, нов. изд. — Ереван, 1971—1079; он же. Гаваракан бараран. (Провинциальный словарь). Тифлис, 1913 (на арм. яз.).

При изучении сугубо армяно-греческих лексических параллелей мы столкнулись с интереснейшим сопоставлением, произведенным Р. Ачаряном: арм. *t'i* (-*ou*) — греч. *πτύον/πτέον*, означающие деревянную (!) лопату, весло, веялку. Обследовав все возможные случаи фонетического сопоставления арм. *t'* (*t'* = придыхательный глухой зубной смычный) — греч. *пт-* в начале слова, а также возможности отражения суффикса **e_uo/e_io*, мы пришли к выводу, что по всей вероятности эти слова восходят к корню и.-е. **pet-* с нулевой огласовкой. Как известно, в армянском в большинстве случаев и.-е. **p-* в начальной позиции исчезает и лишь перед определенными гласными (переднеязычными) переходит в *h-*. Была восстановлена общая проформа **pt_eu_o/pt_ei_o-*. Вслед за Ачаряном мы подтвердили наличие исключительно армяно-греческой изоглоссы, сугубо армяно-греческого слова⁷, семантически развившегося от корня и.-е. **pet-* „распростереть (особенно руки)“⁸ до конкретного обозначения весьма определенного орудия труда — лопаты, веялки, весла. Но с арм. *t'i* происходит дальнейшая деривация: посредством прибавления диминутивного суффикса *-ak* образуется не только уменьшительное *t'iak* „лопатка“, но и анатомическое обозначение, впоследствии — термин *t'iak* „лопатка“ (анат.). Назальный суффикс, участвующий при образовании множества названий частей тела (ср. *mkan* „мышца“, мн. ч. *mkan-unk'* „мышцы“, *je_rn* „рука“, *otn* „нога“ и т. п.), в данном случае играет соответствующую роль при образовании обозначения „плеча“. Таким образом имеем следующую словообразовательную цепь в армянском *t'i*, *t'iak*, *t'iakn*, *t'ēkn-*. Последнее слово этого ряда во мн. числе (по модели *mkan* — *mkanunk'*) будет иметь форму *t'ikunk'* „плечи“, которая, одновременно относясь к словам *pluralia tantum*, означает „спина, тыл“⁹.

Подобное развитие корня и.-е. **pet-* „распростереть руки“ мы встретили только в балтийских языках, но там присутствовал корень **pet-* с полной огласовкой (ср. лит. *petỹs* „плечо“, прус. *pette* ж. р. „плечо“, *pettis* м. р. „лопата“, анат. „лопатка“ при лит. *peĩomentė* „лопатка“). Так как формальные показатели: полная ступень огласовки корня и суффиксация — отличают балтийские слова от армяно-греческого лексического схождения, то последнее

⁷ Арутюнян Ц. Р. Армяно-греческие лексические изоглоссы // Джаукян Г. Б., Сараджева Л. А., Арутюнян Ц. Р. Очерки по сравнительной лексикологии армянского языка. Ереван, 1983. С. 287. См. выделенные 4 армяно-греко-балтийские соответствия // Там же. С. 307.

⁸ Ср.: Pokorny, IEW, 825.

⁹ Настоящая этимология предлагается впервые. Для арм. *t'ēkn* известны совершенно иные толкования с кельтскими и славянскими сопоставлениями; см.: Ачарян Р. ЭСАЯ. Т. 2. С. 170.

сохраняет статус эксклюзивной лексической изоглоссы. Но, с другой стороны, примечательно, что здесь имеет место одинаковое семантическое развитие индоевропейского корня в армянском и балтийских языках: 1) арм. *t'i* „лопата, веялка, весло“ — греч. πτέον „то же“; 2) арм. *t'i* „лопата“ → *t'iak* „лопатка“ → → **t'iakn* > *t'ekn* → *t'ikunk'* „лопатки, плечи“, „тыл, спина“; балт. прус. *pettis* „лопата, лопатка (анат.)“, *pette* плечо; лит. *petỹs* „плечо“, *pečiaĩ* „плечи“ > „верхняя часть спины до лопаток“¹⁰.

В прусском языке засвидетельствовано слово *saperne*, обозначающее „место погребения у старых пруссов“¹¹. Этимологический словарь прусского языка приводит соответствующие прус. *saperne* литовские и латышские слова, такие как лит. *karũrnas* „возвышенное место, поросшее мхом“, *kapurnė* „могила“, *kapurniai* „кладбище“, но также и лит. *kãpas* „могила“, *kapai*, pl. t. „кладбище“, лтш. *kaps* „могила“, а также слова с так называемой поучительной семантикой типа лит. *kapũrytis* „умирать, издыхать, околевать“, *kãparas* „конец, смерть“ и еще с несколько отличающейся семантикой слова типа лит. *kãpurnėtis* „карабкаться, барахтаться“, *kapũrna|karũrna* „кочка, дёрн“, „маленький человек“, „маленькая вещь“, *kãpanotis* „лѐжа на спине, дрыгать, барахтаться ногами, стараясь спастись“. И наконец, латышские слова без элемента *n*, такие как лтш. *kaparuõties*, *kapuruõtiēs*, *kapars*, *kãpurs* „личинка, гусеница“, связанные со значениями „влезать, взбираться“. Но в таком случае можно добавить в этот ряд сравнений также глагол лит. *kõpti* „залезать, влезать, забираться вверх“, и отсюда еще значение „добывать, изымать мед“. В вышеприведенных словах выделяются корень балт. **ker|kap* < и.-е. **ker|kõr*- и суффиксальные элементы *-r*, *-n*. Имеются сугубо корневые слова типа лит. *kapai*, а также слова с одним из суффиксальных элементов: либо с *r*, либо с *n*, типа лит. *kãparas* и *kãpano-tis*.

В рассматриваемом нами слове прус. *saperne* суффиксальные элементы *r* и *n* наслаиваются один на другой. Данная словообразовательная модель привлекает особое внимание¹². При этом вряд ли можно было бы найти более удачное сопоставление с прус. *saperne* „место погребения у старых пруссов“, чем арм. *kap'arumk'* „могила, курган“. Для обоснования данного, впервые выдвигаемого сопоставления предпосылками могут служить соответствия фонетической, словообразовательной моделей этих слов, а также тождество

¹⁰ Ср.: Fraenkel, LEW, *petỹs*.

¹¹ Топоров В. Н. Прусский язык. Т. 3. С. 214 и др.

¹² „Заслуживает особого внимания словообразовательная модель с суффиксальными элементами *r* и *n*; ср. лит. *lakarna*, *Kvėdarna*, *skedernis* и т. п., ср. также лат. *cisterna*, *caverna* и т. п., напоминающие некоторые неиндоевропейские образования типа хеттского заимствования. *Labarna*“. См.: Топоров В. Н. Указ. соч.

их значений. Арм. *k'ap'arum-k'*, pl.t. засвидетельствовано лишь однажды в винительном падеже¹³. Возможна реконструкция не засвидетельствованной формы ед. ч. им. п. *kap'ar* по модели соотношений парадигматических форм следующих слов: арм. *jmer* „зима“ (им. п. ед. ч.), *jmeran* „зимы“ (род. п. ед. ч.), *jmerunk'* „зимы“ (им. п. мн. ч.) и соответственно *ama* „лето“, *amara*, *amara* и др.¹⁴

Рассмотрим этимологический статус этого слова внутри армянского языка. В словаре Р. Ачаряна можно выделить следующий ряд арм. *kap'ar* неясное слово, засвидетельствовано лишь однажды; *kap'arič'* „крышка“, в частности „крышка гроба“, „крышка тонира“¹⁵, а также „крышка-перекрытие колодца, ямы, родника, источника“ и т. д., то, чем прикрывают, закрывают, а именно, производят действие *kap'us'anet* „запирать“. И наконец, *kap'arunk'* „могилы→кладбище (?)“, которое также всего лишь однажды засвидетельствовано у Корюна в „Житии Маштоца“¹⁶.

A' i menj harkn i kap'arums darjan. = „Отцы [наши] сошли в могилу [именно] так, как [описано] у нас“.

И, наконец, несколько отдаленное от этих слов обозначение века как крышки для глаза. Это слово засвидетельствовано как с придыхательным, так и простым глухим *p*^{17, 18}.

Формальные сопоставления армянских и балтийских слов вряд ли вызывают сомнения. Единственно возможное возражение могло бы заключаться в том, что корень, выделенный на основе сравнительного анализа армянских и балтийских слов. и.-е. **ker/kor-*, в армянском ожидался в виде **k'ap'-/k'op'-*, т. е. с глухим придыхательным смычным в начале слова. Одновременно в середине слова можно было ожидать *w* в интервокальной позиции вместо *p'* (ср. арм. *hoviw* < и.-е. **ovi-pa* „пастух“). Но ожидаемый вариант корня арм. *k'aw-* также реален, как в составе глагола *k'awet* „искупить (грех), исцелить (болезнь)“, так и в слове, по формальной модели соответствующем

¹³ Ачарян Р. ЭСАЯ. Т. 2. С. 563.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 146; Т. 3. С. 155.

¹⁵ Традиционный очаг армянского жилища в виде керамического овального резервуара, врытого в землю.

¹⁶ Корюн. Житие Маштоца. Тифлис, 1913. С. 42 (на др.-арм. яз.).

^{17, 18} Семантика глаза как символ обновления умершего и прорастание его вегетативным мотивом, известное в древневосточных традициях (ср. Око Гора в древнеегипетской мифологии), выявляет определенную связь с семантикой могилы как лона источника новой жизни, тогда как веко соответственно может быть связано с прикрытием могилы. Данное сопоставление можно встретить и в кн. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. Т. 1. С. 337.

прус. *carperne* и лит. *kapurnė* „могила“, но семантически несколько отстоящим от них. Это слово *k'awaran* „чистилище, пургаторий“.

Слова *kap'arum-k'* и *k'awaran* выглядят этимологическими дублетами. Они относятся к одному и тому же кругу мифопоэтических обозначений. По всей вероятности, эти слова сосуществовали в одном и том же языке в силу различной специализации значений и в силу различного, но для данного языка допустимого развития первичного фонетического облика слова. Что же касается ряда слов *k'aparumk'*, *kap'arič'*, *kor'*, то начальное *k-* могло с самого начала потерять придыхательность вследствие диссимиляции со вторым придыхательным согласным элементом корня¹⁹.

Основное в семантике этих слов — соотнесенность с названием места погребения, теперь уже можно сказать, — не только старых пруссов, но, вероятно, и древних армян. Мотивированность однокоренных слов, обозначающих смерть, конец, обозначающих холм, возвышенность, крышку, покрытие, а также исцеление, искупление и т. п., на наш взгляд, обеспечена.

Целый ряд слов, формально соответствующих арм. *kap'arum-k'*-, прус. *carperne* и т. п., являют собой обозначения весьма, казалось бы, не соотносимых реалий, однако на самом деле между ними выявляются глубинные семантические связи: ср. лит. *kapūrna* „кочка, дерн, маленький человечек, маленькая вещь“. Лит. *kāpurnėtis* „выкарабкаться из болезни, трудность, карабкаться, барахтаться“, *kāpanotis* „лежа на спине, дрыгать ногами, стараясь спастись“. Лтш. *kapars*, *kāpurs* „личинка, гусеница“, вероятно, либо как нечто барахтающееся, влезющее, либо как заточенный зародыш, нечто, что потом должно ожить (?) укрытая жизнь. Лит. *kėpurstomis* „на четвереньках“, *kepurstas* „идуший на четвереньках“; и еще лит. *kuopti*, *kōpti* „сгребать, сваливать в кучи, окапывать растения, чистить, вычищать злаки“.

Литовскому *kāpas* „могила“, *kapai* „кладбище“, *kōpos* (мн. ч.) „дюны“ и лтш. *kapas* „60 штук, могила“, *kāpa*, *kāpe* „дюна, длинная, возвышенная гряда“ считаются родственными рус. *кона* „куча сена, ржи (60 снопов, яиц), общинная сходка крестьян“, укр. *кона* „кладь хлеба из 60 снопов“²⁰.

Арм. *kap'* „удар“, *kap'ar-k'* „страсти“, *kor'ič'* „пестик, пест для обмолота зерна“, *korneal* „дробленный, битый посохом“ и, наконец, *k'awel* „искупить, излечить“, *k'awaran* „чистилище“.

Смерть, перекрытая искупительным ритуалом, инсценирующим эпические страсти божества, обращается в начало новой жизни. А место, где

¹⁹ Об этом предположении см. у Иллич-Свитыч. Указ. соч.

²⁰ Ср.: Фасмер М. ЭСРЯ. Т. 2. С. 316; Ачарян Р. ЭСАЯ. Т. 2. С. 563. Т. 4.

перекрыта Смерть, обозначается как место очищения, искупления грехов. Вероятно, в этом ритуале [оплакивания] Удар, одновременно отражая первобытную трудовую деятельность, воспринимался как основной магический элемент. Ср. греч. ὁ κόπος „удар, страдание, труд“, κοπανάω „толочь, молоть“, ὁ κοπέτος „биение себя в грудь“, а также арм. *ka-k'awet* „ὄρχεομαι“, *ka-k'awaran* “ὄχῆστρα”.

Перечень рассматриваемых выше слов, проявляющих формально-семантическую связь, приводит к определению жертвы в ее космологическом аспекте. Известные жертвоприношения козла (ср. лат. *capere* „козел“) и свиньи (ср. греч. κάπρος „дикий кабан“) малоазиатским злаковым божествам позволяют в данном ряду отметить и обозначения этих животных²¹.

Наконец, слова, которые служат как бы результатом построенной на основании вышеупомянутых реалий обновляющей модели мира – излечить, спастись, искупить. Следует упомянуть и образы умирающих – воскресающих божеств, обладающих и посреднической функцией, тесно связанной с символикой злака. И как доказательство к нашим мыслям мы находим в трудах Иоаннеса Имастасера (=любомудра, XI в.) следующее высказывание, содержащее слово *kap'ark'*²², которое в другой версии этого же текста заменяется словом *kirk'* „страсти“: „[Они (=язычники?)] учредили [обряды, отражающие] страсти и деяния Аттиса, то есть Диониса“. Таким образом, слово *kap'ar-k'*, обозначая страсти бога-жертвы во имя плодородия, входит в тот же изосемантический и этимологический ряд, что и все формально родственные ему слова.

Весь вышеприведенный набор однокоренных слов и все разъяснения их семантических соотношений указывают на неслучайность культового образования обозначения могилы от этого корня. С другой стороны, формальная и семантическая исключительность армяно-балтийского соответствия: арм. *kap'arum-k'* – прус. *caperne*, – позволяет выделить эксклюзивную армяно-балтийскую изоглоссу из области мифопоэтической терминологии.

Эта этимология, дающая возможность предположить наличие и других системных соответствий, позволила нам выйти из традиционных рамок исследуемого материала.

²¹ Ср.: Гамкрелидзе В. Т., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейцы и индоевропейский. Тбилиси, 1985. С. 515.

²² Фраза как единственная иллюстрация к данному слову с неясным значением приводится в словарях: Новый словарь древнеармянского языка. Венеция, 1834, нов. изд. – Ереван, 1979. Т. 1. С. 1079; Ачарян Р. ЭСАЯ. Т. 2. С. 563.

SUR DES CORRESPONDANCES LEXIQUES ARMÉNO-GRÉCO-BALTES

Résumé

Dans l'histoire de la linguistique comparative le problème des relations linguistiques génétiques arméno-baltes n'est examiné que grâce à l'étude de la place de l'arménien entre les autres langues indo-européennes.

Les liens lexiques arméno-baltes sont présentés dans le Grand tableau des correspondances lexiques arméno-indo-européennes, de H. Adjarian, et discutés dans la monographie de G. R. Solta. L'article de J. Greppin qui concerne les relations arméno-baltes dans de différents niveaux linguistiques, contient aussi un aperçu des correspondances lexiques.

Le travail actuel vise à présenter à l'attention des baltistes quelques nouvelles comparaisons.

1. arm. *t'i*- gr. πτέον „pelle, vanneuse, aviron“ tandis qu'en prus. *pettis* „pelle“,
2. arm. *t'ikunk'* (<*t'i-ak-un-k'*) „arrière, dos“, lit. *pečiai* „partie d'en haut du dos, bosse“,
3. arm. *kap'arumk'* – prus. *caperne* „lieu d'inhumation“.